

АЛИСТЕР МАКГРАТ

КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ

ЛЬЮИС

ЧЕЛОВЕК, ПОДАРИВШИЙ МИРУ
НАРНИЮ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПРОРОКА, КОТОРОГО ПРИНИМАЮТ ЗА СКАЗОЧНИКА

**Алистер Макграт
Клайв Стейплз
Льюис. Человек,
подаривший миру Нарнию
Серия «Жизнь гениев.
Книги о великих людях»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40893077

Клайв Стейплз Льюис. Человек, подаривший миру Нарнию: Эксмо;

Москва; 2019

ISBN 978-5-04-094274-9

Аннотация

Вышедшая к 50-летию кончины К. С. Льюиса биография написана на огромном фактическом материале. Алистер Макграт досконально изучил не только все написанное знаменитым «Джеком», включая обширнейшую переписку и дневники, но и множество до сих пор не учтенных исследователями документов и воспоминаний. Эта биография не только рассказывает читателю о жизни знаменитого писателя, ученого и апологета, но и предлагает авторские «ключи» к пониманию его творчества, одновременно разнообразного и непостижимо цельного. Автор сделал все, чтобы приобщить читателей к

основному вдохновению Люиса – радостному и трепетному ощущению таинственного мира, просвечивающего сквозь реальность.

Содержание

Предисловие	9
Часть I	21
Глава 1. 1898–1908	21
Семья Льюисов	24
Двусмысленный ирландец: загадка ирландской культурной идентичности	31
В окружении книг: предвестия писательского призвания	37
Одиночество: Уорни отправляется в Англию	41
Радость: первая встреча	44
Смерть Флоры Льюис	48
Глава 2. 1908–1917	54
Школа Виньярд, Уотфорд. 1908–1910	56
Школа Шербур, Малверн. 1911–1913	58
Колледж Малверн. 1913–1914	64
Букхэм и «Великий Придира». 1914–1917	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алистер Макграт Клайв Стейплз Льюис. Человек, подаривший миру Нарнию

Alister McGrath

C.S. Lewis – A Life

Originally published in English in the U.S.A. under the title:
C.S. Lewis – A Life, by Alister McGrath

Copyright © 2013 by Alister McGrath

© Сумм Л. Б., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Алистер Макграт проливает новый свет на судьбу
несравненного К. С. Льюиса. Это насущная книга.

Эрик Метаксас,

автор бестселлера «Дитрих Бонхеффер:

праведник мира против Третьего рейха»

Новая биография К. С. Льюиса великолепна.
Она богата информацией, полученной в результате

тщательного исследования, но при этом читается очень легко. Много внимания уделено формированию характера Льюиса, представлен проницательный и точный анализ всех его основных трудов. Я был в числе тех новообращенных американцев-евангеликов, кто на рубеже 1960–1970-х жадно глотал книги Льюиса. Он оказал на меня глубокое и непреходящее влияние, а доктор Макграт убедительно объясняет, почему и сегодня множество христианских наставников и верующих могут сказать о себе то же самое.

Тимоти Келлер,

автор бестселлера The Reason for God

Нам казалось, мы знаем о К. С. Льюисе почти все. Новая биография, написанная Алистером Макгратом, опирается на архивы и иные источники, позволяющие прояснить и углубить наше понимание многих сторон одного из величайших христианских апологетов. Это замечательное исследование.

Н. Т. Райт,

автор книги «Просто христианин»

Алистер Макграт написал скрупулезное, честное, проникновенное исследование жизни потрясающего человека. Его книга помещает Льюиса в контекст его профессии и социального окружения и разворачивает перед нами убедительный рассказ о том, как Льюис пришел к христианству и как совершенствовался в нем. Обязательное чтение для поклонников Льюиса и для

специалистов.

Алан Джейкобс,

автор бестселлера «Нарниец»

Если кто-то сомневался, нужна ли нам еще одна биография К. С. Льюиса, этот увлекательный, пронизательный, подчас неожиданный портрет знаменитого оксфордского христианина послужил бы однозначным ответом на этот вопрос.

Лайл Дорсет,

составитель сборника «Главное о К. С. Льюисе» (The Essential C. S. Lewis)

Удачное дополнение к имеющейся биографической литературе о К. С. Льюисе с рядом ценных открытий. Книга Макграта по праву займет место в науке о Льюисе благодаря блистательному и, на мой взгляд, неоспоримому решению вопроса о точной дате обращения Льюиса. Поразительно, как мы все так долго не замечали бросающуюся в глаза ошибку!

Майкл Уорд,

автор книги «Планета Нарния»

* * *

Российское издание этой книги мы посвящаем светлой памяти Натальи Леонидовны Трауберг – человека, который за руку привел К. С. Льюиса в

*Россию.
Переводчик и редактор*

Н. Л. Трауберг в Уитон-колледже, Иллинойс, США, 1996.

Предисловие

Кто такой Клайв Стейплз Льюис? Для многих, возможно, для большинства, Льюис – создатель волшебного мира Нарнии, автор одной из самых известных в XX веке и вызывающей острые споры серии детских книг, которая и поныне привлекает влюбленных читателей и продается миллионными тиражами. Через пятьдесят лет после своей смерти Льюис остается одним из самых влиятельных писателей нашей эпохи. Наряду со своим столь же знаменитым оксфордским коллегой и другом Дж. Р. Р. Толкином, автором «Властелина колец», Льюис воспринимается как крупное явление в истории литературы и культуры. Оба этих оксфордских мыслителя оказали глубокое влияние на литературу, впоследствии – и на кинематограф. Но без Льюиса «Властелин колец» мог бы остаться ненаписанным. Льюис, конечно, создавал и собственные бестселлеры, но он, помимо того, оказался повивальной бабкой толкиновского шедевра и даже выдвигал друга и его эпос на Нобелевскую премию 1961 года. Уже этого было бы достаточно, чтобы историю Льюиса стоило рассказать.

Но этим Льюис далеко не исчерпывается. Его многолетний друг Оуэн Барфилд однажды заметил, что Льюисов на самом деле трое. Помимо Льюиса, автора сказок и романов-бестселлеров, был второй, не столь известный Льюис –

христианский мыслитель и апологет, стремившийся разъяснить и передать читателям интеллектуальную и творческую мощь христианской веры, которую он открыл для себя в середине жизни и признал логически и духовно убедительной.

Его «Просто христианство», к осязаемой досаде некоторых, часто входит в список самых влиятельных религиозных трудов двадцатого столетия. Возможно, из-за публично выражаемой преданности христианству Льюис превратился в неоднозначную фигуру: он вызывает любовь и восхищение у тех, кто разделяет его приверженность христианству, и насмешки, даже презрение кое-кого из тех, кто этой приверженности не понимает. Но хорошо ли христианство или плохо, оно, безусловно, *важно*, а Льюис, вероятно, самый надежный и влиятельный представитель того самого «просто христианства», которое он отстаивал.

Но есть и третий Льюис, должно быть, наименее известный большинству поклонников и критиков: почтенный оксфордский дон и литературный критик, собиравший полные аудитории вдохновенными рассуждениями об английской литературе. Позднее он возглавил только что созданную в Кембридже кафедру средневековой и ренессансной литературы. Мало кто из нынешних читателей знаком с его «Предисловием к “Потерянному раю”» (1942), но в свое время этот текст задал новые стандарты ясности и проницательности.

Профессиональное призвание Льюиса привело его в «ро-

щи Академа». Избрание в Британскую академию в июле 1955 года официально подтвердило высочайшую репутацию ученого. И все же кое-кому в академическом мире коммерческий, популярный успех казался несовместимым с какими-либо притязаниями на ученость. Начиная с 1942 года и до конца жизни Льюису приходилось отстаивать научность своих трудов, подрываемую более популярными его сочинениями, например, легковесными размышлениями над бесовским миром Баламута.

Как же соотносятся друг с другом три Льюиса? Это изолированные сущности или они связаны между собой? И как они возникли и развивались? Наша книга ставит целью, опираясь на труды Льюиса, рассказать о том, как росло и находило пути выразить себя его мировоззрение. Мы не будем подробно документировать каждый аспект жизни Льюиса, но сосредоточимся на исследовании интересных и сложных связей между его внутренним и внешним миром. Итак, биография строится вокруг реальных и воображаемых сфер, где обитал Льюис, – главным образом это Оксфорд, Кембридж и Нарния. Как развитие его идей, его воображения вписывается в тот мир, где он жил? Кто способствовал формированию этого интеллектуального и творческого видения реальности?

Мы поговорим о восхождении Льюиса к славе и возможных причинах такого успеха, но не забудем еще вот о чем: одно дело – прославиться, другое – оставаться в центре внимания и через пятьдесят лет после смерти. Многие критики

в 1960-х были уверены, что слава Льюиса недолговечна. Это лишь вопрос времени, говорили тогда многие, самое большее – десять лет, и забвение поглотит его имя. Именно по этой причине в последней главе мы попытаемся разобраться не только в том, как Льюис сделался столь авторитетной и влиятельной фигурой, но и почему остается ею поныне.

Среди наиболее важных биографий Льюиса есть написанные теми, кто знал его лично. Они сохраняют свою ценность как описание Льюиса-человека и предлагают некоторые существенные суждения о его характере. В то же время обширные исследования последних двух десятилетий прояснили исторические вопросы (например, роль Льюиса в Первой мировой), глубоко разобрали различные аспекты интеллектуального пути Льюиса и обеспечили нас комментированным прочтением главных его работ. Настала пора соединить эти нити и представить понимание Льюиса, прочно опирающееся на прежние работы, но выходящее за их пределы.

Любая попытка разобраться в том, как Льюис оказался на виду, должна учитывать его личное нежелание играть публичную роль. Он сделался пророком своего времени и следующих десятилетий, однако нужно помнить, что пророком он стал *против воли*. Даже обращение в христианство произошло как бы вопреки его собственным логическим доводам, а приняв веру, он вынужденно стал обсуждать ее главным образом из-за молчания или невнятности тех, кто, по его мнению, гораздо лучше его самого подходил для публичных

высказываний по религиозным и богословским вопросам. А еще Льюис представляется эксцентриком в точном смысле слова – человеком, отклоняющимся от признанных, традиционных или установленных норм и схем, смещенным относительно центра. Его странные отношения с миссис Мур, которые нам предстоит достаточно подробно обсудить, выходят далеко за пределы британских социальных норм 1920-х годов. Многие коллеги Льюиса в Оксфорде стали воспринимать его как маргинала примерно с 1940 года как из-за его слишком явного христианского мировоззрения, так и из-за неполагающегося ученому дара писать популярные художественные книги и апологетические сочинения. Как известно, Льюис подтвердил свой разрыв с господствующими среди ученых современников тенденциями, когда в инаугурационной лекции в Кембриджском университете (1954) назвал себя динозавром. Отклонение от центра ощутимо и в религиозной жизни Льюиса. Хотя он сделался чрезвычайно влиятельным голосом британского христианства, работал он более на периферии, чем в центре, и не тратил время на контакты с ключевыми фигурами религиозного истеблишмента. Вероятно, эта черта Льюиса привлекла часть СМИ, желавших услышать подлинный голос веры, исходящий не от иерархических структур господствующих церквей.

Цель этой биографии – не прославлять Льюиса и не осуждать его, но постараться понять: и в первую очередь понять, каковы его идеи и какое выражение они обрели в его твор-

честве. Задача облегчается тем, что практически все наследие Льюиса, насколько известно, уже опубликовано, а также сложился убедительный корпус научной литературы, посвященной его трудам и идеям.

Обширный биографический и исследовательский материал по Льюису и его кругу способен перегрузить читателя мельчайшими деталями. Человек, пытающийся разобраться в Льюисе, подвергается природному явлению, которое американская поэтесса Эдна Сент-Винсент Миллэ (1892–1950) именovala льющимся с неба «метеоритным потоком фактов»¹. Как бы найти способ соединить факты и извлечь из них смысл, а не накапливать без толку информацию, вопрошала она. Эта биография добавляет кое-какие сведения к тому, что уже было известно о жизни Льюиса, но в большей степени старается осмыслить все данные. Как же соединить факты, чтобы проступил узор? Эта биография не станет очередным парадом огромной армии фактов, образов и событий, это будет попытка выявить подспудные темы и размышления и оценить их значимость. Мы займемся не столько обзором, сколько анализом.

Публикация в 2000–2006 годах всего свода льюисовских писем, тщательно прокомментированных Уолтером Хупером, с перекрестными ссылками, стала важной вехой в исследованиях Льюиса. Эти письма, совокупным объемом около 3500 страниц, открывают автора – нашего героя – с та-

¹ Millay, E. V. Collected Sonnets. N.Y., 1988. P. 140.

кой стороны, которая была попросту недоступна прежним поколениям биографов. И, как кажется, самое главное: они складываются в непрерывный конспект, который можно положить в основу рассказа о жизни Льюиса. Вот почему в этой книге письма цитируются чаще, чем любые другие источники. Как станет ясно, внимательное чтение писем побуждает пересмотреть и уточнить некоторые давно установившиеся даты жизненного пути Льюиса.

Итак, это критическая биография, рассматривающая доказательства в пользу существующих теорий и подходов и по необходимости их корректирующая. В большинстве случаев исправления удастся сделать легко, на ходу, поэтому я не видел смысла привлекать к ним внимание. С другой стороны, следует с самого начала честно предупредить читателей, что утомительный и все же обязательный процесс – сверять каждую мелочь с документальным свидетельством – привел меня к выводу, который вынуждает спорить не только со всеми известными мне специалистами по Льюису, но и с самим Льюисом. Речь идет о дате «обращения», восстановления веры в Бога. Сам Льюис в книге «Настигнут радостью» (1955) называет «Троицын триместр 1929», то есть между 28 апреля и 22 июня 1929 года².

² См.: Льюис К. С. Настигнут радостью // Собр. соч.: в 8 т. М.: Фонд им. о. Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003–2006. Т. 7. С. 429. В другом месте автобиографии Льюис называет это событие «изумительным пробуждением» (с. 320). [Здесь и далее ссылки на все опубликованные в России тексты Льюиса даются по российским изданиям, большей частью – на его восьмитомное собрание

Эта дата добросовестно воспроизводилась в любом донны-не выходявшем исследовании. Однако внимательное чтение документального материала указывает на более позднюю дату, это мог быть март, а вероятнее – именно Троицын три-местр, но 1930 года. По этому вопросу я противостою всем коллегам, и читатель вправе знать, что здесь я пребываю в совершенном одиночестве.

* * *

Из сказанного уже ясно, что для появления новой биографии Льюиса к пятидесятилетию его смерти (1963) специальных обоснований не требуется. Но, вероятно, есть нужда в том, чтобы как-то подтвердить мое право стать биографом. В отличие от предшественников, таких, как многолетние друзья Льюиса Джордж Сэйер (George Sayer, 1914–2005) и Роджер Ланселин Грин (Roger Lancelyn Green, 1918–1987), я никогда не знал его лично. Я познакомился с Льюисом через посредство его книг, когда мне было за двадцать, а он уже десять лет покоился в могиле. Год за годом на протяжении двадцати лет я все более проникался уважением и восхищением, смешанными с неутолимой любопытством и тревожащими вопросами. У меня нет воспоминаний, проливающих свет на биографию Льюиса, нет частной информации и личных документов, на которые я мог бы опереться. Любой ис-

сочинений. В квадратных скобках даны дополнения редактора.]

пользованный в этой книге источник либо находится в общем пользовании, либо доступен для изучения.

Эта книга написана человеком, открывавшим для себя Льюиса через написанное им, и обращена к тем, кто знакомился с ним таким же путем. Тот Льюис, какого я знаю, близок мне словами и мыслями, а не личным знакомством. Если ранние биографы именовали Льюиса Джеком, я счел правильным неизменно называть его Льюисом, главным образом для того, чтобы подчеркнуть существующую между нами дистанцию. И я думаю, что «мой» Льюис – именно такой, каким он хотел бы предстать перед грядущими поколениями. Почему я в этом уверен? На всем протяжении 1930-х годов Льюис подчеркивает: главное в писателях – *тексты*, которые они создают. Важно в первую очередь то, что говорят сами тексты, авторы же не должны превращаться в «зрелище», они скорее тот «оптический прибор», через который мы, читатели, видим себя, окружающий мир и всю систему отношений, включающую и нас самих. Льюис проявлял на удивление мало интереса к личной истории великого английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) и даже к политическому и социальному контексту, в котором тот существовал, его занимали только труды Мильтона, только его *идеи*. Подход, который Льюис рекомендует при изучении Мильтона, следует применить и к самому Льюису. В этой книге я всюду, где мог, старался вникать в его работы, доискиваться до их смысла и оценивать их значение. Хотя я не был лично

знаком с Льюисом, некоторые места его миров знакомы мне хорошо, вероятно, лучше, чем большинству. Как и Льюис, я провел детство в Ирландии, главным образом в Даунпатрике, столице графства Даун, чьи «нежные холмы» Льюис знал, любил и так прекрасно описывал. Я бродил там, где он когда-то гулял, останавливался там же, где он, дивился тем же пейзажам. Я тоже ощущал мечту или тоску при виде дальних голубых гор Морна из окна моего дома. Как и мать Льюиса, Флора, я учился в Методистском колледже Белфаста.

И Оксфорд мне тоже хорошо известен, я провел там семь лет после краткого пребывания в другом университете Льюиса, Кембридже, а затем вернулся и четверть века преподавал и занимался научной работой, став в итоге главой кафедры исторического богословия Оксфордского университета и «главой дома», как называется эта должность в Оксфорде. Подобно Льюису, я был в юности атеистом, пока не обнаружил интеллектуальное богатство христианской веры. Как Льюис, я предпочел выражать и воплощать эту веру в конкретной форме Англиканской церкви. И наконец, как человек, которому часто приходится выступать с публичной защитой христианской веры от критиков, я оценил идеи и подходы Льюиса и использовал их. На мой взгляд, пусть не все, но многие из них сохраняют, хотя бы отчасти, вложенную в них искру и мощь.

И напоследок два слова о примененном в этой биографии методе. Ядро исследования сложилось в результате пристального чтения всего опубликованного под именем Льюиса, включая его письма, в строго хронологическом порядке написания, с целью проследить развитие его мысли и стиля. То есть «Кружной путь» (*The Pilgrim's Regress*) будет отнесен к августу 1932 года, когда он был написан, а не к маю 1933-го, когда состоялась публикация. Этот процесс глубокого погружения в первоисточники занял пятнадцать месяцев, и за ним последовало чтение или же критическое перечитывание существенной специальной литературы о Льюисе, его дружеском круге, интеллектуальном и культурном контексте, в котором все они жили, думали и писали. Под конец я изучил неопубликованный архивный материал, значительная часть которого хранится в Оксфорде: он также проливает свет на историю формирования Льюиса и на интеллектуальный и институциональный контекст его творчества.

Уже на первом этапе работы стало ясно, что некоторые академические вопросы, возникающие при таком подробном исследовании, заслуживают специального и более формального исследования, а в этой книге я постарался обойтись без лишних формальностей, примечания и библиография сведены к минимуму. Я хотел рассказать историю, а не

разрешить раз и навсегда сложные и по необходимости утешающие в деталях академические споры. Однако читателям, вероятно, интересно узнать, что в скором времени последует и более академический том, где можно будет увидеть большую строгость в исследовании и доказательства некоторых положений и выводов настоящей биографии³.

Но довольно преамбул и извинений. Наша история началась давно и далеко отсюда, в ирландском городе Белфасте, в 1890-е годы.

Алистер Э. Макграт

Лондон

³ McGrath, A. The Intellectual World of C. S. Lewis. Oxford and Malden, MA, 2013.

Часть I

Начало

Глава 1. 1898–1908

Нежные холмы Дауна детство в Ирландии

«Я родился зимой 1898 года в Белфасте, отец мой был юристом, мать – дочерью священника»⁴. 29 ноября 1898 года Клайв Стейплз Льюис явился в мир, кипевший политическими и социальными раздорами и требовавший перемен. До разделения Ирландии на Северные графства и независимую Республику оставалось еще два десятилетия, но конфликт, который приведет в итоге к искусственному политическому раздроблению острова, был уже всем очевиден. Льюис родился в средоточии протестантской Ирландии, так называемого «протестантского господства», в пору, когда каждый аспект этого института – политический, социальный, религиозный и культурный – оказался под угрозой.

Колонизация Ирландии, осуществленная в XVI–XVII веках английскими и шотландскими поселенцами, вызывала у

⁴ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 275.

обездоленных коренных жителей глубокое политическое и социальное негодование. Протестантские колонисты отличались от местных католиков-ирландцев и языком, и верой. В правление Кромвеля «протестантские плантации» умножились, с XVI века складываясь как англоязычные протестантские острова в ирландском католическом море. Собственная элита Ирландии была вскоре вытеснена новым протестантским истеблишментом. Акт об Унии (1800) превратил Ирландию в часть Соединенного королевства с прямым управлением из Лондона. Хотя численно протестанты составляли меньшинство и занимали преимущественно северные графства Даун и Антрим, включая промышленный Белфаст, в культурной, экономической и политической жизни Ирландии они главенствовали.

Но все это вскоре должно было измениться. В 1880-х годах Чарльз Стюарт Парнелл (1846–1891) и его товарищи развернули агитацию за самоуправление Ирландии (гомруль). В 1890-е ирландский национализм был на подъеме, вновь обретенным чувством ирландской культурной идентичности стимулировалось и желание обрести независимость. Движение было заметно окрашено католической идеологией и радикально противостояло всем формам английского влияния в Ирландии, включая и спортивные игры вроде регби и крикета. Что важнее, английский язык тоже начали рассматривать как орудие колониального угнетения. В 1893 году была основана Гэльская лига (Conradh na Gaeilge) для поощрения

изучения и использования ирландского языка. Это опять-таки рассматривалось как отстаивание ирландской идентичности против английских культурных норм, все острее воспринимавшихся как чуждые.

По мере того как требования ирландского самоуправления звучали громче и убедительнее, многие протестанты стали ощущать угрозу, опасаясь утраты привилегий и даже гражданской войны. Протестантская община Белфаста в начале 1900-х годов была, что неудивительно, чрезвычайно изолированной, избегала каких-либо социальных или профессиональных контактов с соседями-католиками. (Старший брат Клайва Уоррен (Уорни) впоследствии вспоминал, что ему ни разу не довелось пообщаться с католиком из своей социальной страты вплоть до поступления в Королевский военный колледж Сэндхерста в 1914 году⁵). Католик был «Другим», странным, непостижимым, а главное – угрожающим. С молоком матери Льюис впитал враждебность и недоверие к католицизму. Когда маленького Клайва приучали к горшку, няня-протестантка имела обыкновение именовать его экскременты «папистами». Многие отказывались и отказываются до сих пор причислять Льюиса к подлинной и идентичной ирландской культуре на том основании, что он – ольстерских, протестантских корней.

⁵ Lewis, W. H. C. S. Lewis: A Biography (Unpublished). 1974. P. 27.

Семья Льюисов

Ирландская перепись 1901 года зафиксировала имена всех, кто «спал или пребывал» в доме Льюисов в восточной части Белфаста в ночь на воскресенье 31 марта 1901 года. Учитывалась масса личных сведений – родственные отношения, конфессия, уровень образования, возраст, пол, профессия и социальный статус, а также место рождения. Хотя большинство биографов помещают дом Льюисов по адресу «авеню Дандела, 47», в переписи указан «дом 21 по авеню Данделла [так!] (Виктория, Даун)»⁶. Перечень жителей этого дома вполне точно отражает обычный состав семейства в начале XX века:

Альберт Джеймс Льюис, глава семьи, церковь Ирландии, умеет читать и писать, 37, М, поверенный, женат, город Корк.

Флоренс Августа Льюис, супруга, церковь Ирландии, умеет читать и писать, 38, Ж, замужняя, графство Корк.

Уоррен Гамильтон Льюис, сын, церковь Ирландии, умеет читать, 5, М, ученик, город Белфаст.

Клайв Стейплз Льюис, сын, церковь Ирландии, не умеет читать, 2, М, город Белфаст.

Марта Барбер, служанка, пресвитерианка, умеет читать и писать, 28, Ж, няня – домашняя прислуга,

⁶ См.: census.nationalarchives.ie/reels/nai000721989/. Запись «Не умеет читать» добавлена другим почерком.

незамужем, графство Монахан.

Сара Энн Конлон, служанка, католичка, умеет читать и писать, 22, Ж, повар-домашняя прислуга, незамужем, графство Даун.

Как указывает первая строка списка, отец Льюиса, Альберт Джеймс Льюис (1863–1929) родился в городе Корке того же графства, на юге Ирландии. Дед Клайва Льюиса, Ричард Льюис, котельщик, перебрался из Уэллса в Корк вместе со своей женой-ливерпульской в начале 1850-х годов. Вскоре после рождения Альберта семья переехала на север, в промышленный город Белфаст, где Ричард в партнерстве с Джоном МакИвэном основал успешную компанию «МакИвэн, Льюис и К^о, инженеры-кораблестроители». Наверное, самым интересным проектом этой маленькой компании стало первое судно под названием «Титаник», маленький стальной пароход водоизмещением всего 1608 тонн, построенный в 1888 году⁷.

Но в кораблестроительной отрасли Белфаста с 1880-х годов происходили существенные изменения, ключевые позиции захватывали крупные верфи «Харланд и Вольф» и «Воркман Кларк». Маленьким верфям экономическое выживание давалось все труднее. В 1894 году «Воркман Кларк» поглотила «МакИвэн, Льюис и К^о». Более знаменитая версия «Титаника», тоже белфастская, сошла со стапелей «Харланд

⁷ Lloyds Register of Shipping. № 93171.

и Вольф» в 1911 году, и ее водоизмещение уже превышало 26 000 тонн. Но если шедевр «Харланд и Вольф», как известно, затонул в 1912 году, как только впервые вышел в океан, то маленькое суденышко «МакИвэн и Льюис» продолжало под разными именами трудиться в южноамериканских водах вплоть до 1928 года.

Альберт не обнаружил интереса к кораблестроительству и дал родителям понять, что его привлекает профессия юриста. Ричард Льюис, наслышанный о прекрасной репутации колледжа Лурган во главе с директором Уильямом Томпсоном Кёркпатриком (1848–1921), записал сына пансионером⁸. Педагогический талант Кёркпатрика произвел на Альберта глубокое впечатление за годы учебы в этой школе. Он закончил ее в 1880 году и отправился в Дублин, столицу Ирландии. Там он проработал пять лет в фирме «Маклин, Бойл и Маклин». Приобретая необходимый опыт и лицензию солиситора, Альберт в 1884 году вернулся в Белфаст и открыл частную практику на престижной Ройял-авеню.

Акт Высшего суда Ирландии в 1877 году, следуя английской системе, жестко разграничил юридические обязанности солиситора и барристера, так что в начале своего пути каждый ирландский юрист должен был определиться, какой именно круг дел он предпочитает взять на себя. Альберт Льюис сделался солиситором, то есть он действовал непо-

⁸ *Wilson, I. William Thompson Kirkpatrick (1848–1921) // Review: Journal of the Craigaon Historical Society 8. № 1 (2000–2001). P. 33.*

средственно по поручению клиентов, в том числе представлял их в суде низшей инстанции. Барристеры выступали как адвокаты в уголовных делах, и солиситоры обращались к ним за помощью, когда клиенту требовалась защита в судах более высокого уровня⁹.

Мать Льюиса, Флоренс (Флора) Августа Льюис (1862–1908), родилась в Куинстауне (ныне Ков), в графстве Корк. Дед Льюиса по матери, Томас Гамильтон (1826–1905), был священником Церкви Ирландии, классическим представителем «протестантского господства», которое начинало шататься по мере того, как в начале XX века росло культурное значение и политическое влияние ирландского национализма. Церковь Ирландии считалась главенствующей, хотя в 22 из 26 графств Ирландии к ней принадлежало меньшинство верующих. Когда Флоре исполнилось восемь лет, ее отец занял должность капеллана церкви Св. Троицы в Риме, и там семья жила с 1870 по 1874 год.

В 1874 году Томас Гамильтон возвратился в Ирландию в качестве настоятеля церкви Дандела в районе Баллихакамор восточного Белфаста. Одно и то же временное строение использовалось по воскресеньям в качестве храма и как школа в будни. Вскоре стало ясно, что требуется более основательное решение, и началось строительство новой церкви.

⁹ В американской юридической практике эти две профессии с конца XIX века сливаются. Американский поверенный может выступать в любой из этих ролей или в обеих.

Ее возводили по заказному проекту знаменитого английского церковного зодчего Уильяма Баттерфилда. В мае 1879 года Гамильтон был утвержден в должности настоятеля только что возведенной приходской церкви Св. Марка в Данделе.

Ныне ирландские историки постоянно ссылаются на пример Флоры Гамильтон как на доказательство усиливавшейся роли женщин в культурной и академической жизни Ирландии на исходе XIX века¹⁰. Она посещала методистский колледж Белфаста, это была школа для мальчиков, созданная в 1865 году, но уже в 1869-м, в ответ на растущую потребность в женском образовании, здесь открылись «дамские классы»¹¹. Флора проучилась в школе один семестр 1881 года, а затем перешла в Ирландский королевский университет Белфаста (ныне университет Квинз) и в 1886 году закончила его с дипломом первой степени по логике и второй степени по математике¹² (со временем станет ясно, что математических способностей матери Льюис не унаследовал).

Когда Альберт Льюис сделался прихожанином церкви Св.

¹⁰ *Harford, J.* The Opening of University Education to Women in Ireland. Dublin, 2008. P. 78.

¹¹ *Henderson, J. W.* Methodist College, Belfast, 1868–1938: A Survey and Retrospect. 2 vols. Belfast, 1939. Vol. 1. P. 120–130. Отметим, что школа, основанная в 1865 году, открылась только в 1868-м.

¹² *Ibid.* Vol. 1. P. 127. Диплом первой степени (часто именуемый просто «Первым») британской экзаменационной системы в американской системе образования приравнивается к GPA 4.0 [GPA – средняя оценка, полученная за время учебы].

Марка в Данделе, он сразу же приметил дочь настоятеля. Постепенно и Флора прониклась к нему интересом, отчасти – благодаря изрядной начитанности Альберта. Он еще в 1881 году вступил в литературное общество Бельмонта и быстро завоевал репутацию лучшего оратора этого собрания. Репутацию человека с литературным талантом он сохранит до конца жизни. В 1921 году, на пике его карьеры солиситора, газета *Ireland's Saturday Night* поместила карикатуру на Альберта Льюиса: он изображен в мантии, как полагалось солиситору в суде, но под мышкой у него университетская шапочка, а под другой – художественная книга. Позднее в некрологе *Belfast Telegraph* назвала Альберта «начитанным и эрудированным человеком», известным своим пристрастием вставлять цитаты в судебные речи: «отдохновение от битв закона он обретал в чтении»¹³.

После подобающего продолжительного ухаживания Альберт и Флора обвенчались 29 августа 1894 года в церкви Св. Марка в Данделе. Первенец, Уоррен Гамильтон, родился 16 июня 1895 года в их собственном доме «Вилла Дандела» в восточном Белфасте. Клайв был их вторым и последним ребенком. Перепись 1901 года сообщает, что на тот момент у Льюисов было двое слуг и, что необычно для протестантских семей, одна из служанок, Сара Энн Конлон, принадлежала к католической конфессии. Возможно, устойчивое отвращение Льюиса к религиозным разделениям, проявившее-

¹³ *Belfast Telegraph*. 1929. 28 September.

еся в концепции «просто христианства», проистекало из детских воспоминаний.

Чуть ли не с рождения Льюис был глубоко привязан к старшему брату, Уоррену, эта связь отражалась и в их прозвищах: Клайв был «пороссячья попка», а Уоррен «архипопка». Эти ласковые имена были подсказаны частыми (и порой воплощавшимися на деле) угрозами няни отшлепать их «пороссячьи попки», если мальчики не уймутся. Отца братья именовали «Pudaitabird» или «P'dayta» (так он произносил на белфастский манер слово *potato*, «картофель»). Эти детские прозвища вновь обретут глубину и смысл, когда братья в конце 1920-х воссоединятся и восстановят былую близость¹⁴. Уорни датирует отказ младшего брата именоваться Клайвом летом 1903 или 1904 года, когда тот внезапно объявил, что отныне он Джекси. Постепенно Джекси было сокращено до Джекса и, наконец, Джека¹⁵. Причины такой перемены остались неизвестными. Некоторые источники намекают, что это имя Клайв позаимствовал у принадлежавшего семье пса, который погиб в результате несчастного случая, но документальными свидетельствами эта гипотеза не подтверждается.

¹⁴ См. в особенности письмо Льюиса брату от 2 августа 1928 (The Collected Letters of C. S. Lewis. Ed. by W. Hooper. 3 vols. San Francisco: HarperOne, 2004–2006 [далее – Letters]. Vol. 1. P 768–777), где много подобного рода намеков.

¹⁵ Lewis, W. H. Memoir of C. S. Lewis // The Letters of C. S. Lewis. Ed. by W. H. Lewis. L., 1966. P. 2.

Двусмысленный ирландец: загадка ирландской культурной идентичности

Льюис был ирландцем – при этом некоторые ирландцы об этом забывают, если и знают вообще. Когда я в 1960-е годы подрастал в тех же местах, в Северной Ирландии, о Льюисе – если его и упоминали – отзывались как об «английском писателе». Но сам он не порывал со своими ирландскими корнями. Пейзажи, звук, ароматы – хотя, пожалуй, не *люди* – его родной Ирландии пробуждали во взрослом Льюисе ностальгию и деликатно, однако весьма существенно влияли на его художественную прозу. В письме 1915 года Льюис с нежностью вспоминает Белфаст, «отдаленный гул верфи», широкий Белфастский залив, гору Кейв и горные лощины, долины и холмы вокруг города¹⁶.

Но Ирландия была для Льюиса чем-то большим, чем «нежными холмами». Ее культура отличается страстной любовью к повествованию, которая порождает и мифологию, и исторические хроники, и бурное цветение языка. Правда, Льюис никогда не превращал свое ирландское происхождение в фетиш, оно составляло некую часть души, не определяя ее целиком. Даже в 1950-е годы Льюис продолжал называть Ирландию своим домом, своей родиной, и именно туда отправился на запоздалый медовый месяц с Джой Дэвидсон

¹⁶ Письмо Артуру Гривзу от 30 марта 1915 // Letters. Vol. 1. P. 114.

в 1958 году. Он вдоволь надышался в детстве мягким и сырым воздухом Ирландии и никогда не забывал ее природную красоту.

Те, кто бывал в графстве Даун, едва ли могли не узнать в ирландских пейзажах прототипы созданных Льюисом чудесных литературных ландшафтов. «Изумрудно-зеленый» рай «Расторжения брака» – точное подобие его малой родины. Дольмены Легананни в графстве Даун, гора Кейв Хилл под Белфастом, белфастская гора Кейв, «Мостовая гигантов» (Giant's Causeway) – всему найдется соответствие в Нарнии, возможно, смягченное и приукрашенное, но все же достаточно близкое.

Льюис часто называет Ирландию источником поэтического вдохновения: ее пейзажи сильно стимулируют воображение. Ирландскую политику Льюис недолюбливал и склонен был представлять себе ирландскую идиллию сплошь из округлых холмов, лесов, туманов и заливов. Ольстер, записал он как-то раз в дневнике, «очень красив, если б только возможно было выселить ольстерцев и заполнить эти места населением по моему личному выбору, я бы не искал лучшего места для жизни»¹⁷. (Отчасти Нарнию можно рассматривать как воображаемый, идеализируемый Ольстер, населенный вместо ольстерцев существами, которых Льюис выдумал сам.)

¹⁷ All My Road before Me: The Diary of C. S. Lewis, 1922–1927. Ed. by W. Hooper. San Diego, 1991. P. 105.

Понятие «Ольстер» нуждается в пояснении. Подобно тому как английское графство Йоркшир было разделено на три части (они именовались древненорвежским термином *thrithjungr*, «треть», позднее это слово звучало как «*Ridings*»), так и Ирландия первоначально делилась на пять регионов (по-гэльски *cúigí* от *cóiced*, «пятая часть»). После английского завоевания XII века количество округов сократилось до четырех – Лейнстер, Мюнстер, Ольстер, Коннахт. С этого момента гэльский термин *cúigí* вытесняется термином «провинция». Позднее именно в Ольстере, состоящем из девяти графств, сосредотачивается протестантское меньшинство. При разделении Ирландии в 1921 году шесть из девяти графств образовали новую политическую единицу – Северную Ирландию. Термин «Ольстер» ныне используется как синоним «Северной Ирландии», и «ольстерцами» чаще всего (правда, не всегда) называют живущих в Северной Ирландии протестантов. При этом не учитывается исторический факт: в *cúigí* Ольстер изначально входили еще три графства, Каван, Донегол и Монахан, которые теперь входят в Республику Ирландия.

Льюис всю жизнь проводил в Ирландии каникулы почти ежегодно, если только этому не препятствовала война или болезнь. Он всегда посещал графства Антрим, Дерри, Даун (свое любимое) и Донегол, то есть Ольстер в классическом смысле. Одно время он даже подумывал снять на постоянной

основе коттедж в деревне Клоуфи (графство Даун)¹⁸ в качестве базы для ежегодных каникул, зачастую включавших нелегкие пешие походы по горной гряде Морна (в итоге он решил, что такая роскошь ему не по карману). Хотя Льюис работал и жил в Англии, его сердце было навеки отдано северным графствам Ирландии, в особенности Дауну. Однажды он сказал своему студенту-ирландцу Дэвиду Блэкли: «Рай – это Оксфорд, перенесенный в графство Даун»¹⁹.

Если многие ирландские писатели черпали вдохновение в политических и культурных бурях, сопутствовавших борьбе их народа за независимость от Великобритании, то Льюис вдохновлялся главным образом ирландскими пейзажами. По его словам, эти виды успели повлиять на поэзию и прозу его предшественников, главным среди которых для Льюиса был, видимо, Эдмунд Спенсер, автор «Королевы фей» – этот шедевр елизаветинской эпохи Льюис включал в курс своих лекций и в Оксфорде, и в Кембридже. И он был уверен, что классическая поэма «о странствиях, блужданиях и неутолимом поиске» впитала множество лет, прожитых Спенсером в Ирландии. Иначе откуда бы в ней этот «мягкий и влажный ветер, одиночество, приглушенные очертания гор» или «пронзающие сердце закаты»? С точки зрения Льюиса, ко-

¹⁸ Письмо Уоррену Льюису от 12 января 1930 // *Letters*. Vol. 1. P. 871.

¹⁹ *Bleakley, D. C. S. Lewis at Home in Ireland: A Centenary Biography*. Bangor, 1998. P. 53. Льюис также предлагал перенести Оксфорд в графство Донегал, см., напр., его письмо Артуру Гривзу от 3 июня 1917 // *Letters*. Vol. 1. P. 313.

торый в данном случае позиционирует себя как «ирландца», последующий период жизни Спенсера в Англии ознаменовался убыванием творческой силы его воображения: «За величайшей поэзией Спенсера – долгие годы в Ирландии, за менее значительными стихотворениями – немногие английские годы»²⁰, пишет Льюис, и язык его эхом вторит источнику. В переписке Льюис регулярно прибегает к англо-ирландским оборотам и сленгу с гэльскими корнями. (Например, выражение “make a poor mouth”²¹ происходит от гэльского *an béal bocht*, «жаловаться на бедность», а энергичное “whisht, now!”, означающее «стихни, молчи» – калька гэльского *bí i do thost*.) Другие идиомы связаны скорее с местными особенностями, чем с влиянием гэльского, в том числе забавная фраза «длинный, как лопата из Лургана», то есть «мрачный, с вытянувшимся лицом»²². Хотя интонации Льюиса в радиопередачах 1940-х годов типичны для оксфордского профессора того времени, произношение некоторых употребительных слов – *friend, hour, again* – выдает скрытое влияние Белфаста.

Так почему же Льюиса не превозносят как величайшего ирландского писателя всех времен? Почему в считающемся

²⁰ Studies in Medieval and Renaissance Literature. Cambridge, 2007. P. 126.

²¹ Делать бедный рот (англ.). Здесь и далее звездочками отмечены пояснения переводчика и редактора.

²² Другие примеры см.: Clare, D. C. S. Lewis: An Irish Writer // Irish Studies Review 18. 2010. № 1. P. 20–21.

каноническим Словаре ирландской литературы (*Dictionary of Irish Literature, 1996*) на 1472 страницах не нашлось места для статьи «Льюис К. С.»? Главная причина, конечно, в том, что Льюис не вписывается – надо сказать, отчасти он и сам *предпочел* не вписываться – в ту парадигму ирландской идентичности, которая господствовала на исходе XX века. В некоторых отношениях Льюис воплощал те самые силы и влияния, которые проповедники стереотипной ирландской литературной идентичности предпочитали отбросить. Если в начале XX века Дублин был штаб-квартирой движения за самоуправление и за утверждение собственной ирландской культуры, то родной город Льюиса Белфаст был центром сопротивления как раз подобным тенденциям.

Одна из причин, по которым Ирландия в целом забыла о Льюисе, заключается в том, что он был неправильным ирландцем. В 1917 году Льюис, разумеется, считал себя приверженцем «Школы Новой Ирландии» и подумывал отправить свои стихи в “Maunsel and Roberts”²³, дублинское издательство, имевшее явные связи с ирландским национализмом: в тот самый год оно опубликовало собрание сочинений великого национального поэта Патрика Пирса (Patrick Pearse, 1879–1916). Относя это издательство ко «второму ряду», Льюис выражал надежду, что оттого-то оно и обратит внимание на его творчество²⁴.

²³ Письмо Артуру Гривзу от 8 июля 1917 // *Letters*. Vol. 1. P. 325.

²⁴ Письмо Артуру Гривзу от 24 июля 1917 // *Ibid*. P. 330.

Однако уже год спустя позиция Льюиса заметно изменилась. В письме давнему другу Артуру Гривзу (Arthur Greeves, 1895–1966) Льюис делится опасениями, как бы Новая ирландская школа не превратилась в «своего рода проселок интеллектуального мира, вдали от главной дороги». Теперь Льюис понимал, как важно оставаться «на широком шоссе мысли», писать для широкой аудитории, а не той узкой, что определяется некими культурными и политическими конъюнктурами. Издаваться у Монселя означало бы, по словам Льюиса, ассоциировать себя с тем, что едва ли превосходило по размерам «секту». Его ирландская идентичность, вдохновляемая не столько политической историей Ирландии, сколько ее пейзажами, найдет выражение в литературном мейнстриме, а не на «окольном пути»²⁵. Но хотя Льюис пожелал преодолеть в себе провинциализм ирландской литературы, он все же остался одним из самых великих и прославленных ее представителей.

В окружении книг: предвестия писательского призвания

Ландшафт Ирландии – несомненно, одно из тех физических влияний, что формировали изобильное воображение Льюиса. Но есть и другой источник, также сильно вдохновлявший его, особенно в юности, – сама литература. Чаше

²⁵ Письмо Артуру Гривзу от 31 августа 1918 // Ibid. P. 394.

всего среди воспоминаний Льюиса о детстве и юности возникает образ дома, набитого книгами. Альберт Льюис зарабатывал на жизнь в должности полицейского юрисконсульта, но сердце его принадлежало чтению.

В апреле 1905 года семейство Льюисов переехало в новый, более просторный дом, только что выстроенный на окраине Белфаста, – дом Либороу на Окружной дороге Стрэндтауна, в разговорной речи «Маленький Ли» или же «Либоро». Братья Льюис рыскали по этому огромному дому, а их фантазия преображала его в дальние страны и сказочные королевства. Оба брата создавали собственные воображаемые миры и кое-что о них уже записывали. Льюис сочинял «Зверландию» с говорящими животными, а Уорни писал об «Индии» (вскоре объединенной со столь же фантастической страной Боксен).

Впоследствии Льюис вспоминал, что в новом доме, куда ни глянь, обнаруживались стопки, груды и полки книг²⁶. Нередкие дождливые дни он проводил в обществе этих творений, находя в них утешение, вольно блуждая по ландшафтам, созданным писательским воображением. Среди книг, буквально рассыпанных по «Новому дому», имелись романтические и мифологические сочинения, которые пробудили юную фантазию Льюиса. Сам ландшафт графства Даун, увиденный сквозь литературные линзы, послужил воротами, что вели в дальние царства. Уоррен Льюис также потом размыш-

²⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 280.

лял о том стимуле для воображения, каким для него и для брата стала влажная погода и тоска по чему-то более соответствующему их желаниям²⁷. Может быть, и в самом деле свободно странствующая фантазия его брата была пробуждена детством, когда он сквозь дымку дождя «глазел на недоступные горы» под серыми небесами?

Ирландия зовется «Изумрудным островом» именно из-за высокого уровня осадков, здесь часто идет дождь и висит туман, благодаря чему почва увлажняется и растет густая зеленая трава. Естественно было перенести эту ситуацию – жизнь «под арестом» во время дождя – на четверых детей, запертых в доме профессора, не имеющих возможности отправиться на вылазку исследовать окрестности: «Идет дождь, да такой частый, что из окна не было видно ни гор, ни леса, даже ручья в саду и того не было видно»²⁸. Не вторит ли профессорский дом в сказке «Лев, колдунья и платяной шкаф» «Маленькому Ли»?

Из «Маленького Ли» маленький Льюис видел в отдалении горы Каслри, которые словно говорили с ним о какой-то сердечной тайне, дразня его своей близостью и недоступностью. Они стали для него символом границы, того этапа в жизни, когда человек стоит на пороге нового, более глубокого и соразмерного ему понимания или образа жизни. Невыразимое чувство глубокого томления пробуждалось в нем при виде

²⁷ Lewis, W. H. Memoir of C. S. Lewis. P. 1.

²⁸ Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. Т. 5. С. 11.

этих гор. Он не мог в точности сказать, *о чем* томился, лишь ощущал в себе пустоту, и таинственные горы усугубляли, но не утоляли эту тоску. В «Кружном пути» (1933) эти горы появятся снова – символом неведомого сердечного желания. Но если Льюис тогда стоял на пороге чего-то чудесного, заманчивого, как он сумел бы войти в таинственное царство? Кто мог бы отворить ему дверь и впустить? Пожалуй, неудивительно, что в позднейших рассуждениях Льюиса о самых глубоких вопросах жизни образ двери приобретает все большую значимость.

Длинная зеленая линия холмов Каслри, на самом деле располагавшаяся близко к дому Льюисов, сделалась символом чего-то далекого и недостижимого. Для мальчика эти горы стали дальним объектом стремления, пределом известного мира, из-за которого доносился еле слышный зов «волшебного рога»: «Глядя на них, я испытывал тот порыв, то стремление вдаль, которое, к добру или худу, превратило меня в рыцаря Голубого Цветка прежде чем мне сравнялось шесть лет»²⁹.

Остановимся подробнее на этом высказывании. Что Льюис подразумевал под употребленным здесь словом *Sehnsucht*? Немецкое слово насыщено эмоциональными и интеллектуальными ассоциациями, которые поэт Мэтью Арнолд передал знаменитым «томящее, нежное, слезное желание». А что такое «Голубой цветок»? Вожди немецко-

²⁹ Настигнут радостью // Там же. Т. 7. С. 278.

го романтизма, Новалис (1772–1801) и Йозеф фон Эйхендорф (1788–1857), создали образ «Голубого цветка» – символ странствий и томлений человеческой души, особенно часто этот символ возникает, когда такого рода томление пробуждается (но не удовлетворяется) миром природы. Значит, даже в ту раннюю пору Льюис уже нащупывал и пытался раздвинуть пределы своего мира. Что дальше, за горизонтом? Но он не мог ответить на вопросы, которые это стремление и томление дразняще провоцировало в его юном уме. На что указывали эти чувства? Есть ли там дверь? И если дверь существует – где ее искать? И куда она ведет? Чтобы найти ответы на эти вопросы, Льюису понадобится еще четверть века.

Одиночество: Уорни отправляется в Англию

Все, что нам известно о Льюисе 1905 примерно года, складывается в представление об одиноком, погруженном в себя мальчике, почти без друзей, главным занятием и смыслом жизни которого было чтение книг. Почему он был одинок? Приобретая для своей семьи новый дом, Альберт Льюис сосредоточился на следующей задаче: обеспечить сыновьям будущее. Будучи столпом протестантской общины Белфаста, он счел, что в интересах дальнейшей карьеры правильнее будет отослать мальчиков в английскую закрытую шко-

лу. Брат Альберта Уильям уже отправил сына в Англию, считая это единственным вариантом социального лифта. Альберт решил последовать его примеру и обратился за профессиональной консультацией в поисках наиболее подходящей школы. Лондонское агентство образования «Габбитас и Тринг» с 1873 года занимались подбором преподавателей для ведущих английских школ и помогало определиться с выбором родителям, которые желали, чтобы их дети получили по возможности наилучшее образование. Среди учителей, которым агентство помогло найти первое место работы, оказались такие будущие светила (другое дело, что прославились они главным образом не педагогической деятельностью), как У. Х. Оден, Джон Бетджемен, Эдвард Элгар, Ивлин Во и Герберт Уэллс. К 1923 году, когда фирма отмечала полувековой юбилей, на ее счету значилось 120 000 устроенных учителей и не менее 50 000 родителей успели получить здесь совет при выборе школы для своих детей. Среди этих родителей оказался и Альберт Льюис, которому нужно было понять, куда следует отправить старшего сына, Уоррена.

На его запрос в свой срок пришла рекомендация, вот только на этот раз совет оказался на удивление неудачным. А в мае 1905 года, не удосужившись провести более тщательный и критический анализ предложенного заведения, чего следовало бы ожидать от человека его профессии, Альберт Льюис снарядил девятилетнего Уоррена в Виньярд в Уотфорде, к северу от Лондона. Это была, по-видимому, первая круп-

ная ошибка, потом Льюис-старший еще наделает их немало в воспитании сыновей.

Джек (так к тому времени предпочитал зваться Льюис) и его брат прожили в «Маленьком Ли» всего месяц, им служила прибежищем комната под названием Литтл-Энд на верхнем этаже хаотично обустроенного дома. После этого братья были разлучены. Льюис оставался дома, с ним занимались мать и гувернантка Анни Харпер. Но лучшими его учителями стали, должно быть, растущие холмы книг, ни одну из которых не считали нужным прятать от ребенка. Два года оставшийся в одиночестве младший брат бродил по длинным коридорам, где скрипели под ногами старые полы, забирался на просторный чердак, и единственными его спутниками были многочисленные книги.

Так начал формироваться внутренний мир Льюиса. Пока сверстники играли на улицах Белфаста или в окружающих город полях, Льюис строил, населял и исследовал собственные, только ему принадлежавшие миры. По необходимости он сделался одиночкой, и это, несомненно, ускорило развитие его фантазии. В отсутствие Уоррена у него не оставалось душевного друга, с кем можно было бы делиться мечтами и тоской. Тем большее значение приобретали школьные каникулы: пора, когда Уорни возвращался домой.

Радость: первая встреча

В какой-то момент этих двух лет и без того богатое воображение Льюиса приобретает новый оттенок и смысл. Позднее Льюис ссылался на три ранних переживания, которые, как он полагал, сформировали одно из главных устремлений его жизни. Первое событие произошло, когда аромат цветущего смородинового куста в саду «Маленького Ли» пробудил воспоминание о жизни в «Старом доме», вилле «Дандела», который Альберт Льюис арендовал у родственника³⁰. Льюис описывает это состояние как кратковременное и сладостное ощущение целиком его поглотившего желания. Прежде чем он успел понять, что с ним творится, впечатление рассеялось, осталась лишь «тоска по исчезнувшей тоске». Льюису это событие представлялось чрезвычайно важным: «Всё, что случилось со мной раньше, не имеет в сравнении с этим значения». Но что это было?

Второе переживание настигло его при чтении «Белки Наткина» Беатрикс Поттер (1903). Хотя в ту пору Льюис любил все книги Поттер, что-то именно в этом сочинении вызвало сильную тоску по чему-то, что ему с трудом удастся описать как «Образ Осени»³¹. На него опять нахлынуло то же пьянящее чувство «острого желания». Третий случай – за чтени-

³⁰ Там же. С. 284.

³¹ Там же.

ем шведского поэта Эсайаса Тегнера (1782–1846) в переводе Генри Лонгфелло³²:

*Я слышал голос, взывавший:
Бальдр прекрасный
Умер, умер!..*

Эти строки ошеломили мальчика. Словно открылась дверь, о существовании которой он не подозревал, и Льюис увидел за пределами собственного опыта новое царство, в которое стремился войти, которым стремился обладать. Все остальное словно утратило смысл. «Я ничего не знал о Бальдре, – вспоминает он, – но в тот же миг вознесся в бескрайнее пространство северных небес, я мучительно жаждал чего-то неведомого, неописуемого – беспредельной шири, сурового, бледного холода»³³. И прежде чем он вполне осознал свое желание, оно рассеялось, оставив лишь тоску по себе, стремление вновь его испытать. Оглядываясь впоследствии на эти три переживания раннего детства, Льюис признал в них аспекты или проявления одного и того же феномена: «неудовлетворенное желание, которое само по себе желаннее любого удовлетворения. Я назвал это чувство радостью»³⁴. Поиск этой «радости» станет центральной темой творчества Льюи-

³² Там же. С. 285.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

са и его жизни.

Как же нам осмыслить этот опыт, сыгравший ключевую роль в развитии Льюиса и особенно в формировании его внутренней жизни? Возможно, нам придет на помощь классическое исследование «Многообразие религиозного опыта» (*The Varieties of Religious Experience*, 1902), в котором гарвардский психолог Уильям Джеймс (William James, 1842–1910) попытался разобраться с теми сложными и сильными переживаниями, что обнаруживаются в опыте многих религиозных мыслителей. Опираясь исключительно на широкий спектр опубликованных трудов и личных свидетельств, Джеймс определил четыре характерных свойства такого рода опыта³⁵. Во-первых, этот опыт «невыразим», его нельзя адекватно передать словами. Во-вторых, Джеймс высказывает предположение, что люди, пережившие такой опыт, «проникают в глубины истины, закрытые для трезвого рассудка». Иными словами, этот опыт ощущается как «откровение, полное значимости и смысла». Он порождает «огромное чувство внутренней правоты и близости к истине», преобразя понимание человека, переживающего такой опыт, и часто воспринимается как «откровение новой глубины истины». Подобные темы отчетливо слышны в ранних описаниях «радости» у Льюиса, особенно когда он утверждает, что по

³⁵ James, W. *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. N. Y., 1902. P. 380–381 [Ср.: Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / пер. В. Г. Малахеевой-Мирович, М. В. Шик, под ред. С. В. Лурье. М., 2017. С. 298–299].

сравнению с этим все бывшее прежде утрачивает значение.

В-третьих, Джеймс подчеркивает преходящность подобного опыта: «Его невозможно удержать на долгое время». Обычно он длится от нескольких секунд до нескольких минут, и качество этого опыта не удастся в точности запомнить, хотя если подобное повторится, оно будет сразу опознано: «Когда переживание меркнет, его качество воспроизводится памятью несовершенно». Этот аспект типологии религиозного опыта по Джеймсу явно отражается в прозе Льюиса. И наконец, Джеймс высказывает предположение, что каждый, столкнувшийся с подобным опытом, чувствует себя «как бы захваченным высшей силой». Этот опыт не продуцируется активным субъектом, он «находит» на человека, зачастую с неотразимой силой.

Красноречивое описание этих моментов «радости» у Льюиса явно укладывается в классификацию Джеймса. Льюис считает свой опыт глубоко значимым, открывающим двери иного мира, которые почти сразу же вновь захлопываются, оставляя мальчика хотя и осчастливленным тем, что с ним случилось, но с почти безнадежной мечтой о повторении этого мига. Это мгновенное, преходящее откровение, в такие моменты все проступает отчетливо и резко, но свет быстро меркнет, и видение рассеивается, оставляя только воспоминание и тоску.

После таких переживаний Льюис ощущал утрату и даже порой чувствовал себя покинутым. Но даже если этот опыт

разочаровывал и сбивал с толку, он ясно давал понять, что видимый мир – всего лишь завеса, скрывающая огромное неисследованное царство таинственных океанов и островов. Этот образ, однажды укоренившись в сознании мальчика, никогда не терял своей эмоциональной мощи и заманчивости для воображения. И все же, как мы увидим, вскоре Льюис придет к выводу, что это всего-навсего иллюзия, детские мечты, а укрепляющаяся взрослая рациональность разоблачит жестокий обман. Идея царства Божьего – «ложь, дышащая сквозь серебро»³⁶, – и тем не менее ложь.

Смерть Флоры Льюис

После смерти королевы Виктории британский престол унаследовал в 1901 году Эдуард VII и правил до 1910-го. Эдвардианский век теперь часто описывается как золотое время длительных летних вечеров и элегантных чаепитий в саду, как идеал, разрушенный Первой мировой войной 1914–1918 годов. Хотя этот в высшей степени романтизированный образ эдвардианской эры в большей степени воплощает по-

³⁶ См. посвящение к стихотворению Толкина «Мифопоэзия» (*Tolkien, J. R.R. Tree and Leaf. P. 85*) [Посвящается полагающему, что коль скоро в мифах далеко не все правда, то, стало быть, они не стоят никакого внимания, даже если это «ложь, пропетая серебряною трубой». – *Пер. С. Степанова*]. Контекст этого стихотворения явно дает понять, что речь идет о Льюисе. См.: *Carpenter, H. J. R. R. Tolkien: A Biography. L., 1977. P. 192–199* [*Карпентер, Х. Джон Р. Р. Толкин. Биография / пер. А. Хромовой. М., 2002. С. 223–238*].

слевоенную ностальгию 1920-х, несомненно, многим та пора представлялась стабильной и безопасной. Кое-какие тревожные процессы уже начались, и в первую очередь рост военной и промышленной мощи Германии, а также экономического потенциала Соединенных Штатов, в чем некоторые распознавали ощутимую угрозу имперским интересам Британии. Однако в обществе господствовало представление о мощной и прочно стоящей на ногах империи, чьи торговые пути надежно оборонял величайший в мировой истории флот.

Ощущение стабильности явно присутствует и в раннем детстве Льюиса. В мае 1907 года Льюис писал Уорни: все уже почти решено, часть каникул им предстоит провести во Франции. Заграничная поездка – существенное новшество для семейства Льюисов, которое обычно выезжало летом на месяц-полтора на курорты Северной Ирландии, например, в Каслрок или Портраш. Отец, загруженный адвокатской практикой, обычно присоединялся к жене и детям на несколько дней, уезжал и вновь возвращался. Во Францию же он и вовсе не поехал.

Льюису выпали спокойные и счастливые каникулы с братом и матерью. 20 августа Флора Льюис доставила обоих сыновей в пансион Пти-Валлон, семейный отель в маленьком городе Берневал-Ле-Гран (Нормандия) поблизости от Дьеп-па, и там они пробыли до 18 сентября. Открытка, дошедшая из первого десятилетия прошлого века, поможет нам понять

сделанный Флорой выбор: успокоительная надпись «Здесь говорят по-английски» красуется над снимком эдвардианских семейств, безмятежно расположившихся на территории пансионата. Зато надежды, что мальчишки усвоят сколько-то французских слов, испарились, как только выяснилось, что все постояльцы — англичане.

Идиллическое лето на закате эдвардианской эры и ни единого намека на грядущие ужасы. Попав во Франции в пору Великой войны в госпиталь всего в 18 милях (29 км) к востоку от Берневал-Ле-Гран, Льюис ностальгически вспоминал те драгоценные, навеки утраченные дни³⁷. Политической возможности войны никто не предугадал, как не предугадал и масштабы причиненных ею разрушений и как никто в семье Льюисов не мог бы предсказать, что это последнее их лето в полном составе. Через год Флора Льюис умерла.

В начале 1908 года стало ясно, что Флора тяжело больна. У нее диагностировали рак желудка. Альберт попросил своего отца, который к тому времени уже несколько месяцев прожил в «Маленьком Ли», съехать: комната понадобилась для сиделки. Ричард Льюис очередного потрясения не перенес, в конце марта у него случился инсульт, и в апреле он умер.

Когда врачи признали, что спасти Флору невозможно, Уорни отозвали домой из английской школы, чтобы он провел с матерью последние недели ее жизни. Болезнь матери еще

³⁷ Письмо Альберту Льюису от 16 февраля 1918 // Letters. Vol. 1. P. 356.

больше сблизила братьев. Одна из самых трогательных фотографий той поры: Уорни и Клайв стоят с велосипедами перед Гленмахан-хаусом, поблизости от «Маленького Ли». Начало августа 1908 года. Мир Льюиса вот-вот рухнет – в одночасье, непоправимо.

Флора скончалась в своей постели 23 августа 1908 года, как раз в день рождения Альберта (ему исполнилось сорок три). Календарь, висевший на стене ее спальни, открылся на скорбной цитате из «Короля Лира»: «Человек все должен претерпеть: как свой приход, так и уход отсюда»³⁸. Много лет спустя Уорни убедился, что календарь оставался открытым на этой странице до самой смерти Альберта³⁹.

По обычаю того времени Льюису пришлось прощаться с матерью, лежавшей в открытом гробу, и воочию увидеть следы ее жестокого недуга. Мальчик был травмирован. «Со смертью мамы из нашей жизни ушло надежное счастье, исчезли покой и лад»⁴⁰.

В «Племяннике чародея» мама Дигори Кирка на смертном одре описывается так, что мы явственно ощущаем преследовавшие Льюиса воспоминания: «Среди подушек, как и много раз прежде, белело ее исхудавшее лицо, от одного

³⁸ «Король Лир». Акт 5, сцена 5. – Пер. Г. Кружкова.

³⁹ Эту цитату Уорни впоследствии распорядился вырезать на надгробье брата в Оксфорде.

⁴⁰ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 287.

взгляда на которое вы бы заплакали»⁴¹. Очевидно, эти строки передают страдания, причиненные автору смертью собственной матери, особенно врезавшимся в его память зрелищем изможденного тела в гробу. Позволяя Дигори спасти мать волшебным нарнийским яблоком, Льюис, кажется, исцеляет бальзамом воображения свои эмоциональные раны, пытается справиться с тем, что случилось на самом деле, представляя себе, как могло бы все выйти иначе.

Хотя Льюис глубоко переживал смерть матери, в воспоминаниях об этой мрачной поре он в большей степени сосредотачивается на последствиях этой утраты для всей семьи. Оплакивая жену, Альберт, кажется, не замечал горя своих сыновей и их потребности в родительском внимании. К. С. Льюис описывает это время как начало конца своей семьи, семена отчуждения были уже посеяны. Утратив жену, Альберт Льюис довел дело до того, что рисковал утратить и сыновей⁴². Через две недели после Флоры умер старший брат Альберта Джозеф. Еще одна катастрофа для семьи Льюисов: отец с двумя маленькими сыновьями остался один во всем мире. «Уцелели острова; великий материк ушел на дно, подобно Атлантиде»⁴³.

Эта беда могла бы их сблизить, если бы в отце пробудилась забота о детях, в сыновьях – преданность отцу. Но ни-

⁴¹ Племянник чародея // Там же. Т. 6. С. 210.

⁴² Настигнут радостью // Там же. Т. 7. С. 286.

⁴³ Там же. С. 287.

чего подобного так и не произошло. В критический период Альберту изменил здравый смысл, и это особенно отчетливо проявилось в том, как он распорядился судьбой сыновей в самый болезненный момент их еще только начинавшейся жизни: всего через полмесяца после смерти матери оба брата очутились в порту Белфаста в ожидании парохода, который должен был за ночь доставить их в порт Флитвуд в Ланкашире. Эмоционально ущербный отец в неадекватной эмоциональной форме распрощался с эмоционально обделенными детьми. Все, в чем юный Льюис черпал и надежность, и осознание себя, мгновенно исчезло. Его отсылали прочь из Ирландии, прочь от родного дома и книг, в чужое место, где ему предстояло жить среди чужаков, единственный спутник – старший брат. Его отправляли в Виньярд (в «Настигнут радостью» эта школа будет называться Белсен).

Глава 2. 1908–1917

Ужасная Англия: школьные годы

В 1962 году Франсин Смитлайн, старшеклассница из Нью-Йорка, написала К. С. Льюису о том, как ей понравилась его «Нарния» и попросила писателя рассказать о его собственных школьных годах. В ответ Льюис сообщил, что учился в трех школах-интернатах, «две из которых были совершенно ужасны»⁴⁴. Более того, продолжал Льюис, «ничто впредь не казалось ему столь отвратительным, даже окопы на передовой Первой мировой войны». Самый небрежный читатель автобиографии «Настигнут радостью» не может не заметить той ненависти, с какой Льюис пишет об английских школах – но мыслимо ли поверить, что они были хуже гибельных окопов Первой мировой?

Одним из главных источников напряжения между К. С. Льюисом и его братом под конец 1950-х годов стало убеждение Уорни, будто Льюис существенно исказил в «Настигнут радостью» (1955) впечатления от Малверна. Джордж Сэйер (George Sayer, 1914–2005), близкий друг, автор одной из самых вдумчивых и многое открывающих биографий Льюиса, припоминает, что ближе к концу жизни тот признавал

⁴⁴ Письмо Франсин Смитлайн от 23 марта 1962 // Letters. Vol. 3. P. 1325. Две «ужасные» школы – Виньярд и колледж Малверн.

многое в рассказе о Малверне «ложью», и эта ложь отражала сложные отношения между двумя сторонами его личности, боровшимися в ту пору между собой⁴⁵. Свидетельство Сэйера оставляет читателей автобиографии в недоумении и насчет того, в какой мере Льюис переосмыслял свое прошлое, и насчет его мотивации.

Отношение Льюиса к школе вполне могло омрачаться его в целом негативными первыми впечатлениями об Англии, которые распространились и на его опыт пребывания в классе. Позднее он признавался: «Понадобилось немало лет, чтобы избавиться от вспыхнувшей в тот миг ненависти к Англии»⁴⁶. Отвращение к английским школам, возможно, лишь один из аспектов свойственного Льюису в ту пору культурного неприятия Англии в целом, это заметно и в переписке. Так, в июне 1914 года он жаловался на то, что «заперт в душной и противной Англии» вместо того, чтобы блуждать по прохладным, поросшим травой холмам графства Даун⁴⁷.

И все же тут есть нечто более глубокое, почти физиологическое: Льюис попросту не вписывался в культуру закрытой школы эдвардианской эпохи. То, что многие рассматривали как необходимую, пусть порой жесткую, подготовку к тяготам жизни в реальном мире, Льюис отбрасывал и клеймил как «концентрационный лагерь». Образование, которое,

⁴⁵ Sayer, G. Jack: A Life of C. S. Lewis. L., 1997. P. 86.

⁴⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 280.

⁴⁷ Письмо Артуру Гривзу от 5 июня 1914 // Letters. Vol. 1. P. 60.

по замыслу отца, должно было превратить младшего сына в успешного члена общества, едва его не сломило.

Вкратце траекторию образования Льюиса после смерти матери можно изложить в пяти пунктах:

Школа Виньярд в Уотфорде («Белсен»): сентябрь 1908 – июнь 1910

Кемпбел-колледж, Белфаст: сентябрь – декабрь 1910

Школа Шербур, Малверн («Шартр»): январь 1911 – июнь 1913

Колледж Малверн («Виверн»): сентябрь 1913 – июнь 1914

Частная подготовка к университету в Грейт Букхэме: сентябрь 1914 – июнь 1917

Три английские школы, о которых Льюис так сурово отзывается, очевидно, те, которые в автобиографии он обозначает псевдонимами: Виньярд, Шербур и колледж Малверн. Как мы увидим, воспоминания о времени, проведенном в Грейт Букхэме, гораздо позитивнее, и этой поре Льюис приписывал существенное влияние на формирование своей способности к мышлению.

Школа Виньярд, Уотфорд. 1908–1910

Английское образование Льюиса началось со школы Виньярд, которая размещалась в двух обшарпанных зданиях желтого кирпича на улице Лэнгли (Уотфорд). Маленький частный пансион был основан в 1881 году Робертом «Стари-

ком» Капроном и в первые годы своего существования имел, по-видимому, кое-какой успех. Однако к тому времени, как сюда попал Льюис, у школы настали трудные времена, оставалось всего восемь или девять пансионеров и примерно столько же приходящих учеников. Старший брат уже провел здесь два года, сравнительно легко приспособившись к брутальному режиму. Младший, не имевший никакого опыта жизни за пределами ласково обволакивавшего кокона «Маленького Ли», был напуган жестокостью Капрона и впоследствии именовал школу «Белсен» – как печально известный нацистский концлагерь.

Если поначалу мальчик верил, что постепенно все наладится, вскоре он уже всей душой ненавидел Виньярд и впоследствии считал пребывание здесь напрасной потерей времени. Уорни покинул Виньярд летом 1909 года, перейдя в колледж Малверн, а младший брат вынужден был один на один противостоять институту, который явно клонился к смертному своему часу. Все образование в Виньярде, по словам Льюиса, сводилось к насильственному скармливанию и задалбливанию наизусть ненужных сведений: «Даты, сражения, экспорт, импорт. Мы забывали это, едва успев выучить, да и от того, что запомнили, было мало проку»⁴⁸. С этим соглашался и Уорни: «Я не сумею припомнить никакой информации, полученной в Виньярде»⁴⁹. Не было там и библиоте-

⁴⁸ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 286.

⁴⁹ The Lewis Papers: Memoirs of the Lewis Family 1850–1930 / ed. W. H. Lewis,

ки, где Льюис мог бы утолить потребность своего воображения. В итоге школа закрылась летом 1910 года, когда Капрон был, наконец, официально признан душевнобольным.

Пришлось Альберту Льюису искать другие варианты дать младшему сыну образование. Уорни продолжал учиться в колледже Малверн, а Льюиса отправили в колледж Кемпбел, пансионат, находившийся непосредственно в Белфасте, всего в миле от «Маленького Ли». Это учебное заведение для того и предназначалось, чтобы «предоставить жителям Ольстера хорошее образование без переезда в Англию», как сформулирует впоследствии Льюис⁵⁰. Не совсем ясно, имел ли отец изначально в виду оставить там Льюиса до конца учебы, но через несколько месяцев у мальчика развилось тяжелое заболевание легких, и Альберт вынужден был его забрать. Пребывание в этом колледже показалось Льюису не таким скверным, и он бы, кажется, предпочел там и оставаться. Однако у отца появился уже новый план – к сожалению, опять не слишком удачный.

Школа Шербур, Малверн. 1911–1913

Проконсультировавшись вновь с «Габбитас и Тринг», Альберт отправил сына в школу Шербур («Шартр» в «Настигнут радостью»). Находилась она в курортном городке

11 vols. (Unpublished). Vol. 3. P. 40.

⁵⁰ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 307.

викторианской Англии, Грейт Малверне⁵¹. В XIX веке Малверн приобрел популярность благодаря целебным местным водам. К концу века поток лечащихся водами иссяк, и бывшие виллы и отели стали превращаться в небольшие пансионаты вроде Шербура. Маленькая подготовительная школа (при Льюисе в ней насчитывалось около двадцати ребят в возрасте от восьми до двенадцати лет) располагалась рядом с колледжем Малверн, где уже числился полноправным учеником Уорни. Так братья по крайней мере получили возможность видаться в течение учебного года.

Главным результатом пребывания Льюиса в Шербуре стала заслуженная им стипендия для обучения в колледже Малверн. Впрочем, Льюис вспоминает множество событий своей внутренней жизни, для которых Шербур послужил лишь фоном, а не поводом или стимулом. Одним из наиболее важных переживаний стало открытие «Севера», «северности» – открытие, которое произошло ближе к началу пребывания в Шербуре. Льюис описывает это открытие как полное и славное преображение. «Словно вся Арктика, словно огромный ледовый материк, тысячелетний лед растаял в одно мгновение, и в то же мгновение проросла трава, распустился подснежник, расцвели сады, оглушенные пением птиц, взбужденные током освобожденных вод»⁵².

⁵¹ Шербурская школа стала частью колледжа Малверн в 1992 г. Участок, где прежде стояла школа, был продан застройщику.

⁵² Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 321.

Это воспоминание столь же точно в смысле метафор, сколь расплывчато в плане хронологии. «Я могу совершенно точно рассказать, как это случилось, хотя не помню самой даты»⁵³. Стимулом послужил литературный журнал, кем-то брошенный в классной комнате. Удалось установить, что это было рождественское издание *The Bookman* от декабря 1911 года. В журнале имелось иллюстрированное приложение, включавшее некоторые из тридцати иллюстраций Артура Рэкхема к английскому переводу либретто опер Рихарда Вагнера «Зигфрид» и «Сумерки богов». Этот перевод Маргарет Армур был опубликован в том же году чуть ранее⁵⁴.

Чрезвычайно выразительные иллюстрации Рэкхема послужили мощным стимулом для фантазии Льюиса. На него вновь нахлынуло сильное желание, его поглотило ощущение «северности», он «увидел огромное ясное пространство, дальние пределы Атлантики, сумрачное северное лето»⁵⁵. Его привела в восторг возможность заново пережить то, что казалось навеки потерянным. Это было не осуществление желаний, как более раннее чтение⁵⁶, а видение, которое перенесло его на границу иного мира и позволило заглянуть внутрь. В надежде воспроизвести это чудо Льюис, подава-

⁵³ Там же. С. 82.

⁵⁴ *Wagner, R. Siegfried and The Twilight of the Gods* / tr. by Margaret Armour, ill. by Arthur Rackham. L., 1911.

⁵⁵ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 321.

⁵⁶ Там же. С. 283.

ясь укреплявшемуся в нем пристрастию к Вагнеру, тратил карманные деньги на пластинки с записями «Кольца Нибелунгов» и даже ухитрился приобрести ту самую книгу с иллюстрациями Рэхема.

Хотя письма Льюиса, относящиеся к малвернскому периоду, скрывают, должно быть, не меньше, чем сообщают, они все же содержат намек на некоторые темы, которые и в дальнейшем сыграют роль в жизни автора. К числу этих тем принадлежит растерянность ирландца, оказавшегося в изгнании, в чужой стране. Льюис не просто лишился детского рая – он был изгнан из Эдема. Сколько бы Льюис ни прожил в Англии, англичанином он себя не считал и как раз под конец пребывания в Шербуре все острее чувствовал, что «родился в племени, одаренном литературным чувством и высоким владением собственным языком»⁵⁷. В 1930-х годах Льюис обнаружит, что природный ландшафт родной Ирландии стимулирует его собственное литературное воображение, да и других авторов, как, к примеру, поэта Эдмунда Спенсера. Семена этих будущих ростков видны уже в письмах домой от 1913 года.

Другим существенным интеллектуальным событием, которое Льюис также относит к этому периоду своей жизни, стала окончательная утрата остатков христианской веры. То, как Льюис описывает эрозию и исчезновение веры в «Настигнут радостью», не вполне удовлетворяет исследователей,

⁵⁷ Письмо Альберту Льюису от 8 июля 1913 // Letters. Vol. 1. P. 28.

особенно с учетом роли, которую религия сыграла в дальнейшей его жизни. Но хотя Льюис не может составить «точную хронологию» постепенного «отпадения от веры», он все же вычленяет ряд факторов, подталкивавших его именно в этом направлении.

Вероятно, самым важным фактором (он ощутимо присутствует и в более поздних текстах Льюиса) стало чтение Вергилия и других классических авторов. Мальчик заметил, что религиозные идеи этих поэтов воспринимаются учеными и преподавателями как «заведомо ложные». Но как в таком случае обстоит дело с современными религиозными идеями? Быть может, и они тоже – иллюзии, новый вариант давнего заблуждения? Юный Льюис пришел к выводу, что религия насквозь ложна и при этом естественна, она была «странным и ложным порождением человека, заразным заблуждением»⁵⁸. Христианство – всего лишь одна из тысяч вер, каждая из которых претендует на истину. С какой стати верить в правдивость одной, отвергая все прочие?

К весне 1913 года Льюис определился, куда бы хотел отправиться после Шербура. В июне он писал отцу, что пребывание в Шербуре, хотя и начиналось как «прыжок во тьму», обернулось «успехом»⁵⁹. Город Грейт Малверн ему понравился, и он бы хотел перейти в «Колл», то есть в колледж Малверн, где оказался бы вместе с Уорни. В конце мая то-

⁵⁸ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 315.

⁵⁹ Письмо Альберту Льюису от 7 июня 1913 // Letters. Vol. 1. P. 23.

го же года Уорни выбрал для себя военную карьеру, и осень 1913 года ему предстояло провести в Малверне, готовясь к вступительному экзамену в Королевский военный колледж Сэндхерст.

Однако все пошло не по плану. В июне младший Льюис благополучно сдал экзамен (хотя был болен и экзамен проводили в больничном отделении школы) на стипендию в колледже и с сентября должен был приступить к занятиям. Но Уорни уже не ждал его там. Директор колледжа настоял на том, чтобы ученика, пойманного с сигаретой на территории учебного заведения, забрали из школы (оба брата к тому времени приобрели на всю жизнь привычку к табаку). Теперь Альберт Льюис вынужден был придумать способ подготовить Уорни к вступительным экзаменам в Сэндхерст без участия преподавателей Малверна. Он нашел выход – чрезвычайно удачный выход, который год спустя окажет существенное и благое влияние на судьбу младшего сына.

С 1877 по 1879 год Альберт Льюис учился в колледже Лурган в североирландском графстве Арма и сохранил с тех пор величайшее уважение к директору этой школы Уильяму Томпсону Кёркпатрику⁶⁰. Кёркпатрик начал работать в Лургане в 1876 году, в ту пору в колледже насчитывалось всего 16 учеников. Десять лет спустя Лурган вошел в список лучших школ Ирландии. В 1899 году Кёркпатрик уволился из

⁶⁰ *Wilson, I. William Thompson Kirkpatrick (1848–1921) // Review: Journal of the Craigaon Historical Society, 8. № 1 (2000–2001). P.39.*

школы и переехал вместе с женой в Шарстон Хауз в Нортендене (Чешир), поближе к сыну Джорджу, который в ту пору работал в компании «Browett, Lindley & Co», делавшей моторы для «Patricroft» в Манчестере. Однако выяснилось, что индустриальный Северо-Запад Англии вовсе не по душе миссис Кёркпатрик, и пара вскоре переехала в Грейт Букхэм в «маклерском поясе» – в южное графство Суррей, где Кёркпатрик снова стал преподавать, но уже частным образом.

Альберт Льюис издавна оказывал Кёркпатрику юридическую помощь, они переписывались, решая, как поступить с родителями, не внесшими плату за школу. В прошлом Альберт не раз советовался с Кёркпатриком насчет образования своих сыновей, а теперь задал более конкретный и личный вопрос: возьмется ли Кёркпатрик подготовить Уорни к экзамену в Сэндхерст? Они пришли к соглашению, и 10 сентября 1913 года Уорни явился в Грейт Букхэм. Через неделю его младший брат начал учебный год в колледже Малверн – Виверн в «Настигнут радостью» – без наставника и покровителя. Он опять оказался в одиночестве.

Колледж Малверн. 1913–1914

Колледж Малверн Льюис изображает как катастрофу. Три из пятнадцати глав «Настигнут радостью» наполнены инвективами против «Колла», все его изъяны разобраны пункт за

пунктом. Такое нагромождение ярких и гневных воспоминаний до странности затрудняет восприятие основного сюжета – поиск радости. Зачем тратить столько времени на болезненные и субъективные воспоминания, тем более что другие воспитанники того же учебного заведения (включая Уорни) критиковали их именно как субъективные и даже искаженные? Возможно, для Льюиса работа над этим разделом «Настигнут радостью» стала катарсисом, он очистился от мучительных воспоминаний, изложив их подробнее, чем следовало. Но даже сочувствующий читатель не может не заметить, как в трех главах, посвященных Малверну, замедляется повествование и подробности заслоняют от нас основную мысль книги⁶¹.

Льюис утверждает, что сделался жертвой системы «натаскивания»: новички использовались на посылках у старших учеников («элиты»). Чем хуже относились к мальчику одноклассники и префекты, тем чаще именно его выдергивали и нагружали поручениями. Для английской закрытой школы того времени это была нормальная практика. Большинство ребят принимали ее как традиционный обряд инициации во взрослую жизнь, но Льюис считал это формой эксплуатации. Он предполагает также, что в число услуг, которые младшие мальчики должны были оказывать старшим, входили (по слухам, доказательств никогда не появлялось) и некоторые виды сексуальных услуг – это вызывало у него

⁶¹ Рассказ занимает 18 % всей книги (Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7).

ужас и отвращение.

Вероятно, столь же или даже более важно другое обстоятельство: Льюис был исключен из малвернской системы ценностей, сложившейся под влиянием господствовавшей в то время философии английской закрытой школы – «спорт превыше всего»⁶². На исходе эдвардианской эры «культ игры» занял практически незыблемую позицию в средоточии английского элитарного образования. Атлетизм превратился в своего рода философию, и в нем была своя темная сторона: мальчики, которые не проявляли таланта к спортивным играм, подвергались насмешкам и унижениям со стороны сверстников. Культ атлетизма отодвигал на второе место интеллектуальные и творческие достижения и превращал многие школы в тренировочные базы, где прослаивались исключительно телесные преимущества. Такой культ «мужества» считался неотъемлемым элементом становления «характера», а этой задаче были посвящены основные педагогические теории в Британии того периода⁶³. Словом, Малверн был вполне типичным явлением эдвардианской эпохи, колледж предоставлял ученикам то, в чем они, как считалось, нуждались и чего родители безусловно желали для них.

⁶² Из-за этого мальчиков, считавшихся, как Льюис, изнеженными «интеллектуалами», травили и преследовали. См.: *Mangan, J. A. Athleticism in the Victorian and Edwardian Public School: The Emergence and Consolidation of an Educational Ideology*. L., 2000. P. 99–121.

⁶³ См.: *Roberts, N. Character in the Mind: Citizenship, Education and Psychology in Britain, 1880–1914* // *History of Education* 33 (2004). P. 177–197.

Вот только Льюис хотел совсем другого. Его «врожденная неуклюжесть», отчасти объяснявшаяся наличием лишь одного сустава в больших пальцах, делала заведомо невозможной надежду отличиться в каком-либо виде спорта⁶⁴, но он особо и не старался вписаться в школьную культуру, и этот отказ соответствовать местным правилам выражался в замкнутости и интеллектуальном снобизме. В письме Льюис кисло замечал, что Малверн помог ему выяснить, кем он быть *не хочет*: «Если бы я никогда не видел ужасного зрелища, которое являют собой эти грубые и безмозглые английские школьники, я бы рисковал со временем и сам превратиться в нечто подобное»⁶⁵. Многим такие замечания покажутся попросту самодовольными и высокомерными, однако Льюис ясно дает понять, что среди немногих позитивных итогов Малверна было в том числе и это: он осознал в себе высокомерие⁶⁶ и с этой стороной своего характера постарается в грядущие годы разобраться.

Он часто искал убежища в школьной библиотеке и обрел утешение в книгах. Также он подружился с преподавате-

⁶⁴ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 281. Льюис и Уорни унаследовали этот дефект от отца. Это синдром (разновидность метакарпофалангеального синостоза), который теперь иногда именуется симфалангизмом Льюисовского типа именно в честь нашего Льюиса. См.: *Castriota-Scanderbeg A., Dallapiccola B. Abnormal Skeletal Phenotypes: From Simple Signs to Complex Diagnoses. B., 2006. P. 405.*

⁶⁵ Письмо от 5 июня 1914 // Letters. Vol. 1. P. 59.

⁶⁶ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 347.

лем классических языков Гарри Уэйклином Смитом («Выбразалой»). Смит помог Льюису усовершенствоваться в латыни и приступить к серьезному изучению древнегреческого. Что, пожалуй, важнее: он показал ученику правильный метод анализа поэзии, с пониманием ритма и музыкального звучания. Впоследствии Льюис выразил ему благодарность в стихах, описав, как Смит – «старик с певучим и медовым голосом» – привил ему любовь к «средиземноморским ритмам» классической поэзии⁶⁷.

Но как ни важны эти позитивные впечатления для дальнейшего развития Льюиса-исследователя и Льюиса-критика, в ту пору это были всего лишь интеллектуальные забавы, помогавшие отвлечься от невыносимой школьной реальности. Уорни полагал, что брат попросту оказался «квадратной затычкой в круглой дыре». Задним числом он пришел к выводу, что младшего вовсе не следовало посылать в закрытую школу – отсутствие спортивных данных и избыточная страсть к знаниям сразу же превратили его в «отщепенца, еретика, подозрительное существо в коллективно-мыслящей стандартизированной системе закрытых школ»⁶⁸. Но так Уорни рассуждал много лет спустя, твердо решив, что если какая-то проблема с колледжем и была, то виноват в этом сам Льюис, а никак не школа.

⁶⁷ Стихотворение сохранилось и опубликовано в: *Lewis Papers*. Vol. 3. P. 262–263.

⁶⁸ *Lewis, W. H. Memoir of C. S. Lewis*. P. 5.

И все-таки непонятно, почему в «Настигнут радостью» Льюис так подробно разбирается с Малверном. Когда в 1929 году ему предложат должность директора колледжа, это приглашение немало его позабавит⁶⁹. Тем не менее, несомненно, что учеба в Малверне повергала Льюиса в искреннее отчаяние, и он изо всех сил пытался убедить отца перевести его в более подходящее место. «Пожалуйста, заberi меня отсюда как можно скорее», умолял он в письме от марта 1914 года, перед тем как вернуться в Белфаст на каникулы⁷⁰.

Наконец Альберт Льюис осознал, что младшему сыну в колледже плохо. Он посоветовался с Уорни, который уже второй месяц проходил в Сэндхерсте военную подготовку, чтобы стать офицером британской армии. Уорни ответил, что младший брат в первую очередь сам и виноват в своем злосчастье. Он-то надеялся, поделился Уорни с отцом, что Малверн обеспечит брата, как его самого, «счастливыми годами, воспоминаниями и дружбами, которые пройдут с ним через всю жизнь до могилы». Но не сложилось. Младший превратил для себя Малверн в «раскаленную сковороду, на которой не мог удержаться»⁷¹. Необходимо было радикально пересматривать планы. Поскольку Уорни частное обучение у Кёркпатрика явно пошло на пользу, имеет смысл предложить тот же вариант младшему. Легко распознать недо-

⁶⁹ Письмо Альберту Льюису от 17 июля 1929 // Letters. Vol. 1. P. 802.

⁷⁰ Письмо Альберту Льюису от 18 марта 1914 // Ibid. P. 51.

⁷¹ Уоррен Льюис Альберту Льюису 29 марта 1914 // Lewis Papers. Vol. 4. P. 156.

вольство Уорни братом в обращенной к отцу формулировке: «Пусть он [Льюис] попробует взорвать свой дешевый набор интеллектуальных петард под носом старого К.»⁷².

Затем Альберт Льюис обратился за советом к самому Кёркпатрику. Сначала тот предложил вернуть мальчика в колледж Кемпбел. Но по мере того, как двое мужчин обсуждали возникшую проблему, проступило иное решение: Альберт упросил Кёркпатрика взять Льюиса частным учеником с сентября 1914 года. Кёркпатрик испытывал одновременно восторг – «Стать наставником отца, а следом обоих сыновей – опыт поистине уникальный» – и опасения. Уорни любил Малверн, а Льюис его отверг. Как младший воспримет учителя, благодаря которому так преуспел Уорни? Трудями Кёркпатрика Уорни занял 22-е место среди двухсот с лишним успешных кандидатов, прошедших чрезвычайно жесткий отбор с высокой конкуренцией. Послужной список Уорни удостоверяет, что 4 февраля 1914 года он поступил в Сэндхерст в качестве «джентльмена-кадета» и получил «повышенную кадетскую стипендию». Многообещающий старт военной карьеры.

Тем временем младший брат вернулся на каникулы в Белфаст. В середине апреля 1914 года, незадолго до возвращения в Малверн на последний семестр, он получил известие: Артур Гривз, оправлявшийся после тяжелой болезни, был все еще прикован к постели и хотел бы пригласить Льюиса

⁷² Ibid. P. 157.

в гости. Артур, сверстник Льюиса, был самым младшим из сыновей Джозефа Гривза, одного из богатейших производителей льна в Белфасте. Семейство жило в Берна, большом доме на одной улице с «Маленьким Ли».

В «Настигнут радостью» Льюис сообщает, что Гривз и раньше пытался познакомиться с ним, но до того случая они ни разу не встречались⁷³. Существует, однако, свидетельство, указывающее на ошибку Льюиса. В одном из самых ранних сохранившихся писем брату (май 1907) Льюис отчитывается о том, что в «Маленьком Ли» только что был установлен телефон, и он воспользовался новой технологией для того, чтобы позвонить Артуру Гривзу, однако поговорить с ним не удалось⁷⁴. Значит, в детстве мальчики были знакомы, но если тогда они дружили, то после того как Льюиса отправили из Белфаста в Англию, сначала в одну, затем в другую школу, эти отношения прервались.

В гости к Гривзу Льюис отправился не слишком охотно. Артура он застал сидящим в постели, под рукой книга: «Мифы Норвегии» Гюрбера (1908). Льюис, чья любовь к «северности» сделалась к тому времени безбрежной, изумленно уставился на книгу. «*Ты это любишь?*» – и в ответ услышал такой же взволнованный вопрос Гривза⁷⁵. Наконец-то он обрел родственную душу. Они будут общаться всю жизнь, до

⁷³ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 305.

⁷⁴ Письмо Уоррену Льюису от 18 мая 1907 // Letters. Vol. 1. P. 3–4.

⁷⁵ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 361.

смерти Льюиса спустя почти полстолетия.

Перед концом последнего семестра Льюис впервые написал Гривзу, планируя совместную прогулку. Хотя он был еще «заперт» в «ужасной душной Англии», скоро они увидят, как солнце восходит над Голливудскими горами и полюбуются заливом Белфаст-Лох и Пещерным холмом⁷⁶. Но месяц спустя отношение Льюиса к Англии изменилось. «Выбражала» пригласил его и еще одного мальчика в поездку в глубь страны. Они оставили позади «плоские, ровные, уродливые холмы Малверна». Вместо них Льюис открыл для себя «волшебные пейзажи», состоявшие из «плавно переходящих друг в друга холмов и долин» с «таинственными лесами и хлебными полями»⁷⁷. Так, может быть, Англия не столь ужасна? Может быть, ему все же согласиться остаться здесь?

Букхэм и «Великий Придира». 1914–1917

19 сентября 1914 года Льюис прибыл в Грейт Букхэм, чтобы приступить к занятиям с Кёркпатриком, «Великим Придирой». Но с тех пор, как Льюис покинул Малверн, мир вокруг успел непоправимо измениться. 28 июня в Сараево был застрелен австрийский кронпринц Франц Фердинанд, и возникшее в результате международное напряжение стремительно нагнеталось, нарастала нестабильность. Формирова-

⁷⁶ Письмо Артуру Гривзу от 5 июня 1914 // Letters. Vol. 1. P. 60.

⁷⁷ Письмо Альберту Льюису от 29 июня 1914 // Ibid. P. 64.

лись альянсы, и это означало: если одна из «великих наций» вступит в конфликт, за ней последуют все прочие. Месяц спустя, 28 июля, Австрия напала на Сербию, а Германия тут же атаковала Францию. Участие Англии в этом конфликте сделалось неизбежным. В итоге 4 августа Великобритания объявила войну Германской и Австро-Венгерской империям.

В первую очередь эти события отразились на Уорни. Его обучение сократилось с полутора лет до девяти месяцев: кадеты как можно скорее должны были перейти на действительную военную службу. 29 сентября 1914 года Уорни получил звание младшего лейтенанта тыловой службы Королевской армии и 4 ноября отправился во Францию с Британским экспедиционным корпусом. Тем временем военный министр лорд Китченер (1850–1916) организовал самый массовый набор добровольцев, какой дотоле знала страна. Знаменитый плакат «Твоя страна нуждается в тебе» сделался одним из самых известных образов той войны. И младший Льюис тоже, несомненно, ощущал этот общий порыв – идти на фронт.

Тем не менее, пока Англия втягивалась в войну, к которой не успела толком подготовиться, Льюис обустроивался в доме Кёркпатрика, Гастонсе, в Грейт Букхэме. Его отношения с Кёркпатриком приобретут тем большее значение, что и с отцом, и с братом отношения в то время сделались отчужденными и несколько напряженными. Льюис добрался

на пароходе из Белфаста в Ливерпуль, а оттуда на поезде в Лондон. Далее он выехал с вокзала Ватерлоо в Грейт Букхэм, и там его встретил Кёркпатрик. По пути со станции к дому Льюис небрежно, в надежде сломать лед, заметил, что находит ландшафт Суррея более «естественным», чем он ожидал.

Он всего лишь хотел завести разговор, но Кёркпатрик тут же ухватился за возможность провести агрессивный, требующий от собеседника активного участия диалог, демонстрирующий преимущества сократического метода. Наставник велел Льюису немедленно остановиться и пояснить, что он подразумевает под «естественностью» и на каком основании он не ожидал встретить ее здесь. Изучал ли он карты местности? Читал ли книги о природе Суррея? Видел ли фотографии графства? Льюис признал, что ничего подобного он не делал. Его мнение было ни на чем не основано. И тогда Кёркпатрик уведомил его, что, стало быть, он не обладает и правом на «мнение» по этому вопросу.

Кому-то подобное обращение с новым учеником показалось бы запугиванием, другие сказали бы, что наставнику недостает хороших манер или же отеческой заботы. Но Льюис быстро сообразил, что его понуждают развивать критическое мышление на основании фактов и логики, а не личной интуиции. Этот подход был для него «лучше мяса и пива»⁷⁸. Юноша расцвел на диете критического мышления.

⁷⁸ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 366.

Кёркпатрик был замечательный человек, и ему действительно принадлежит немалая заслуга в деле интеллектуального развития Льюиса, особенно он способствовал укреплению критического подхода к идеям и источникам⁷⁹. Кёркпатрик имел за плечами достойную академическую карьеру в Квинз-колледже (Белфаст), он закончил его в июле 1868 года с отличием первой степени по английской литературе, истории и метафизике⁸⁰. В последний год учебы он также выиграл конкурс английских эссе под псевдонимом «Тамерлан». Был он награжден и Двойной золотой медалью Королевского университета Ирландии (единственный на своем курсе удостоенный такой чести). В 1873 году, когда был открыт колледж Лурган, Кёркпатрик претендовал на должность директора. Всего было 22 кандидата, и школьный совет на финальном этапе выбирал между двумя лучшими, Кёркпатриком и Воэном Булгером из Дублина. В итоге предпочли Булгера.

Неустрасимый Кёркпатрик стал искать другие вакансии. Рассматривалась его кандидатура на должность главы кафедры английского языка и литературы в Университи-колледже (Корк). Однако та, первая, вакансия вновь открылась,

⁷⁹ См.: *Wilson, I.* William Thompson Kirkpatrick.

⁸⁰ Квинз-колледж Белфаста был включен в Королевский университет Ирландии в 1879 г. Он был восстановлен в качестве самостоятельного института Актом об университетах Ирландии (Irish Universities Act, 1908), который распустил Королевский университет, заменив его Государственным университетом Ирландии (National University of Ireland) и Белфастским университетом Квинз (Queen's University of Belfast).

когда в 1875 году Буглер перешел в тот же колледж Корка и возглавил кафедру греческого языка. Кёркпатрик вновь предложил свою кандидатуру на должность директора Лургана и с 1 января 1876 года занял эту должность. Его талант ободрять и вдохновлять учеников вошел в легенды. Альберт Льюис наделал немало ошибок, пытаясь организовать учебу младшего сына в Англии, но главное его решение, наконец-то проистекавшее из личного опыта, а не из малоудачных профессиональных советов «Габбитас и Тринг», оказалось наилучшим.

Одной фразой Льюис подытожил основные заслуги своих учителей: «Выбражала учил меня грамматике и риторике, а Кёрк – диалектике»⁸¹. Постепенно он учился правильно использовать слова и выстраивать аргументы. Но влияние Кёркпатрика не ограничивалось развитием диалектических талантов Льюиса. Старый школьный учитель заставлял ученика совершенствоваться в древних и современных языках самым простым методом – вынуждая ими пользоваться. Через два дня после того, как Льюис прибыл к нему, Кёркпатрик усадил его и раскрыл «Илиаду» Гомера в подлиннике, на древнегреческом. Он прочел примерно двадцать строк с белфастским акцентом (сумел бы его разобрать сам Гомер?), предложил свой вариант перевода и попросил Льюиса продолжить с этого места. Вскоре молодой человек достаточно уверенно читал классиков в оригинале. Кёркпатрик распро-

⁸¹ Настигнут радостью // Собр. соч. Т. 7. С. 373.

странил тот же метод на латынь, а далее на живые языки, в том числе немецкий и итальянский.

Кому-то подобный метод обучения может показаться архаичным и даже нелепым. Для многих студентов столь сложная задача обернулась бы унижительным поражением и утратой уверенности в себе. Но для Льюиса это был вызов, побуждавший целиться выше и удваивать ставку. Именно такой метод преподавания как нельзя лучше соответствовал его способностям и потребностям. В одной из самых знаменитых проповедей «Бремя славы» (*The Weight of Glory*, 1941) Льюис предлагает нам вообразить себе школьника, зубрящего греческий, чтобы постичь блаженство чтения Софокла. Он и был тем школьником, а Кёркпатрик – его наставником. В феврале 1917 года Льюис в большом волнении сообщал отцу, что сумел прочесть первые двести строк «Ада» на родном языке Данте и «с большим успехом»⁸²

⁸² Письмо Альберту Льюису от 8 февраля 1917 // *Letters*. Vol. 1. P. 75.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.